

В последнее время герцог проводил весьма удовлетворительные дни.

Как и большинство недавних эмоциональных изменений герцога, это тоже было связано с его советником.

Последние несколько дней советник буквально переполнялся преданностью и заботой о герцоге.

Конечно, он и прежде относился к герцогу с почтением, но с некоторых пор степень его преданности изменилась. Это было похоже на разницу между состоянием, когда все четыре лапы оторваны от земли, и состоянием, когда можно стерпеть, что кто-то трогает твои лапы.

И как часть этих изменений советник стал ещё более способным.

Изначально он уже был весьма способным — это отрицать было невозможно.

Даже в те времена, когда он вёл себя как кот, ползающий по полу с прижатым животом, и следил за каждым движением герцога весь день, он всё равно безупречно справлялся со своей работой.

Его методы были настолько отличны от привычных, что герцог даже сомневался, можно ли вообще считать его «советником» в том смысле, в котором герцог привык понимать это слово. Однако, какими бы нестандартными ни были его подходы, они несомненно были эффективными и продуктивными.

Даже герцог, который терпеть не мог перемены и был привередлив ко всему новому, признавал, что изменения, внесённые советником, действительно шли на пользу.

А теперь, с тех пор как герцог начал вести себя как кот, этот человек не только научился предугадывать его желания, но и даже начал действовать на опережение.

Если раньше казалось, что он помогает герцогу заботиться о его территории как часть своих обязанностей, то теперь... теперь казалось, что он воспринимает территорию герцога как свою собственную и считает своим долгом заботиться о ней.

Советник делал всё возможное ради территории герцога, как он сам и говорил.

Исключительно...

«Потому что это важно для вас».

Потому что это было важно для герцога.

Разве истинная преданность не является залогом стабильности, несмотря на внешние угрозы?

Наблюдая, как советник самоотверженно трудится ради дорогого ему, герцог больше не чувствовал угрозы со стороны других котов. В конце концов, существо, что раскрыло перед ним все свои чувства, не могло относиться к другому коту так же, как к герцогу.

И всякий раз, когда эти мысли приходили ему в голову, герцог невольно начинал урчать от удовлетворения, переполнявшего его изнутри.

Герцог был бы доволен всем.

Если бы не одно обстоятельство, которое ему крайне не нравилось...

Его взгляд остановился на советнике, который сидел на полу, сосредоточенно возясь с чем-то на ковре. Эта сцена повторялась уже несколько дней подряд.

После неоднократных отказов герцога от расчёсывания советник достал откуда-то клей, бумагу, короткие палочки и начал делать что-то, склеивая их и отрывая.

И герцогу это крайне... не нравилось.

Изначально вечерний распорядок герцога заключался в том, чтобы отправиться на патрулирование, а затем навестить советника, чтобы провести время вместе перед сном. Это было любимое время дня герцога, и оно сократилось в последнее время из-за увеличения работы, связанной с визитом делегации.

Чтобы воспользоваться оставшимся временем на полную, герцог, приходя к советнику, даже приносил ему ту самую спрятанную перьевую ручку. Хотя советник, возможно, и думал, что сумел её спрятать, но разве герцог мог этого не заметить?

Однако после того, как он начал делать этот предмет, советник стал пренебрегать их временем вместе.

Даже когда герцог возвращался с патрулирования, советник не бросался к нему с радостным видом, а лишь рассеянно поднимал голову и продолжал своё занятие. Он не говорил с герцогом своим обычным, взволнованным вечерним голосом, не тянулся к нему рукой, чтобы поиграть или потрепать по голове. Более того, он стал позже ложиться спать.

Такое отношение возмутило герцога. Советник не мог обращаться с ним так.

Поэтому он попытался растянуться прямо перед сосредоточенным советником, но... но этот человек, который обычно с благоговением тянулся к нему, легко касаясь дозволенных мест и при этом пялился на его живот с подозрительной одержимостью, теперь всего лишь пару раз лениво почесал его за ухом и снова вернулся к бумаге.

Герцог даже притащил ему перьевую ручку и положил в руку, но куда делась та ловкость, с которой он раньше играл с ним? Лёгкое небрежное подёргивание пера лишь усилило раздражение герцога.

В конце концов, разозлившись, он ударил по листу бумаги лапой, смяв его вместе с липким клеем. Но советник лишь удручённо вздохнул и пробормотал: «Кот ни в чём не виноват...» — и, даже не взглянув на герцога, продолжил работать.

То же самое было и сейчас. Даже не глядя на герцога, пристально смотрящего на него, он просто катил этот предмет...

Катил...

Катил...

Катил...

«...»

Глаза герцога, которые до этого сердито сверлили взглядом советника, теперь следили за движением предмета, скользящего из стороны в сторону.

Его зрачки попеременно расширялись и сужались, отражая хищную сосредоточенность.

Он всегда знал, что советник умеет размахивать перьевой ручкой так, что она кажется неотразимо заманчивой. Но это... это было другое. Завораживающее движение, от которого невозможно было оторвать взгляд.

По мере того как оно продолжалось, поверх бурлящего раздражения... начали медленно пробуждаться охотничьи инстинкты.

Передние лапы дёрнулись в ответ на монотонное, но непредсказуемое движение, скользящее по полу. Кончик хвоста, который ещё минуту назад глухо ударял по полу в явном недовольстве, теперь едва заметно покачивался.

Даже не осознавая этого, герцог рассчитывал оптимальное время и направление, чтобы наброситься на этот объект.

Его мышцы напряглись.

И наконец, когда его зрачки резко расширились, поймав идеальную траекторию атаки...

— Ах!

Бумага, один конец которой прилип к ковру, размоталась и обвисла.

— Клеевой слой слишком сильный?

Советник, почесав затылок из-за очередного провала, начал осторожно отрывать бумагу, слипшуюся с ковром.

А герцог...

В непреодолимом чувстве бессмысленности...

Бесшумно плюхнулся обратно в кресло.

«Что это с ним?»

Руан мельком взглянул на герцога, который почему-то сидел в унынии, а затем начал осторожно отрывать прототип ролика для чистки, который стал одним целым с ковром.

«А ведь этот вариант вроде получился неплохим...»

Сделать ролик для чистки оказалось не так просто, как он ожидал.

Приходилось проходить через массу проб и ошибок. То клейкая лента была настолько сильной, что при сворачивании моментально слипалась сама с собой и становилась непригодной к использованию. То, наоборот, клеевой слой был настолько слабым, что почти не оставлял следа и не мог захватить кошачью шерсть, вьезшуюся в ткань.

Из-за постоянных экспериментов процесс занял куда больше времени, чем планировалось. А ещё были постоянные попытки помешать работе со стороны скучающего герцога-кота.

Но... четвёртый прототип, несмотря на все эти вмешательства, оказался вполне работоспособным: он не слипался сам с собой и эффективно собирал шерсть. Единственная проблема — клей всё ещё был слишком крепким.

«Но кажется, я уже начинаю понимать, в чём дело».

Пока Руан обдумывал, как усовершенствовать пятый прототип...

Герцог, который до этого наблюдал за ним в угрюмом молчании, вдруг спросил:

— Почему это разрешено, а перо — нет?

— Прощу прощения? — переспросил Руан, не сразу поняв, о чём речь.

Но герцог лишь продолжил с тем же недовольным выражением:

— Разве ты не забрал у меня все перьевые ручки, заявив, что я не могу пользоваться ими в рабочее время? Тогда почему это можно?

«Если он говорит об этом...»

Руан посмотрел на ролик в своих руках, затем проследил за пристальным взглядом герцога и наконец осознал, о чём тот говорит.

«А-а, герцог-кот реагирует на липкий ролик так же, как на перьевую ручку» .

Хотя предпочтения в любимых игрушках немного различались, было немало кошек, которые сходили с ума от движения швабры или ролика для чистки. Казалось, повторяющееся движение напоминало им охотничью игру. Некоторым даже нравилось охотиться за автоматическими пылесосами. У одного из его бывших питомцев это вообще было любимым развлечением.

«Но почему же он выглядел таким величественным, когда издевался над беспомощной машиной, которая даже не могла дать сдачи...»

В общем, теперь было очевидно, что герцог относится к той самой категории кошек, которые всячески мешают уборке. Чтобы избежать проблем в будущем, Руан решил разъяснить ситуацию:

— Перьевую ручку можно заменить чем-то другим. А вот лучшего средства для очистки шерсти, чем это, найти трудно.

И он добавил слова, которые всегда хотел сказать всем кошкам, мешающим уборке, но не мог передать из-за незнания кошачьего языка:

— Это ведь уборка, а не игра. Я с радостью помашу для вас пером после работы, но для улучшения рабочего пространства, пожалуйста, не мешайте...

Но даже если это был кот, понимающий человеческие слова, он всё равно оставался котом. А коты не были существами, которые послушно следуют указаниям только потому, что понимают их смысл.

Выслушав Руана, герцог искренне нахмурился, будто так и не смог постичь сказанное.

— Как ты можешь ожидать, что я буду сидеть спокойно, когда такое шевелится прямо перед моими глазами?

Руан с глубокой тоской посмотрел на огромного кота, который искренне не понимал, как можно игнорировать движущийся предмет.

«Тогда дай мне хотя бы тебя вычесать...»

Хотя, даже если бы он мог расчесать шерсть, она всё равно бы разлеталась, поэтому ролик для чистки всё равно был бы необходим.

<http://bllate.org/book/12567/1117792>